

Она посмотрела на поникший куст подсолнуха на подоконнике и спросила:

— Это мне подарок?

Цзян И гордо похвастался:

— Я долго за ним ухаживал, нравится?

— Какой-то онвялый...

Словно бы со стороны Чжао Миня слышался какой-то шум.

Цзян И еще не успел раскрыть рта, как Тан Жуйжуй подняла стоящую у ног клетку и произнесла:

— Кролик. Дарю тебе.

Цзян И опомнился. Глядя на свернувшегося в пушистый снежный клубок зверька в клетке, он легко ткнул его пальцем:

— Какой толстый.

Он потряс клеткой перед лицом Чжао Миня и спросил:

— Красивый?

Чжао Минь лишь равнодушно бросил на него мимолетный взгляд и ничего не ответил.

Одиночка никак не отреагировал, и Цзян И почувствовал внутреннее раздражение.

Проводив Тан Жуйжуй,

Цзян И снова и снова прокручивал в голове, как она, потеряв душу, смотрела на Чжао Миня, отчего на сердце стало тесно и тяжело.

С недовольством в голосе он произнес:

— Моя девушка сегодня дважды на тебя посмотрела.

Чжао Минь нахмурился:

— Я на нее не смотрел.

— Но она-то на тебя смотрела, — тон Цзян И стал жестче. — Если она придет еще раз, тебе запрещено спускаться вниз.

Чжао Минь выдал фразу, чего с ним отродясь не бывало:

— Детский сад.

С каменным лицом Цзян И больше не стал с ним разговаривать и, подхватив своего кролика, поднялся вверх.

Он прозизился наверху несколько часов: обустроил кроличью клетку, поселил туда малыша и даже дал ему кличку Ньюмицю[1]. Каждую минуту ему хотелось бегать туда и проверять питомца. Только под утро, умываясь, он заметил, что Ньюмицю сжался в комочек в углу клетки и весь дрожит.

В голове у Цзян И опустело, и, не успев даже толком подумать, он бросился к двери Чжао Миня и забарабанил в нее.

Дверь отворилась быстро.

Чжао Минь явно только что принял ванну: халат был наспех запахнут, а в распахнутом V-образном вырезе наполовину скрывался рельефный пресс. С кончиков волос капала вода, и вся его небрежная фигура излучала непередаваемую притягательность.

— Что случилось?

— Кролик заболел.

Чжао Минь тихо вздохнул и сказал:

— Дай взгляну.

Он взял из его рук непрерывно дрожащего кролика. Пальцы легко погладили кроличий живот:

— Переел, дать немного лекарства — и всё пройдет.

— Правда?

— Зачем мне тебя обманывать? — Чжао Минь аккуратно положил кролика на стол и стал рыться в аптечке. — Я уже держал кроликов.

Наблюдая за тем, как Чжао Минь привычным движением прижимает к себе Ньюмицю и поит его лекарством, Цзян И почувствовал, как сердце наконец немного отлегло. В спальне стояла глубокая тишина, лишь теплый свет лампы освещал профиль Чжао Миня. Без очков черты его лица казались намного мягче, и в них проступало куда больше нежности, чем в обычные дни.

— Помоги мне надеть очки.

Цзян И не сразу сообразил. Чжао Минь слегка подался вперед, устремив взгляд прямо на него.

Чжао Минь был очень высокого роста, и даже несмотря на то, что тот опустил голову, Цзян И все равно приходилось чуть задирать подбородок, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Чего застыл?

Цзян И едва ли не в панике засуетился, устраивая оправу за ушами Чжао Миня. В суматохе он избегал смотреть ему в глаза, но при этом неотрывно пялился на его выступающий кадык.

Без очков Чжао Минь сбрасывал с себя образ человека строгих правил, и в нем проступала какая-то чужеродная, дикая нотка.

Чжао Минь по-прежнему был сосредоточен на том, чтобы массировать кролику животик.

— Чжао Минь.

— М?

— Это кролик, которого подарила мне девушка, — ни с того ни с сего выдал Цзян И.

— Я понял. — Руки Чжао Миня замерли, после чего он вернул кролика обратно в объятия хозяина, а его голос вновь стал холодным и отстраненным: — Иди к себе с кроликом, которого тебе подарила девушка.

— Ты...

— Что еще из подаренного тебе девушкой осталось? — ровным тоном поинтересовался Чжао Минь. — Я постараюсь держаться от этого подальше.

Постараться держаться подальше?

Тогда что, к черту, всё это значит сейчас?

Цзян И холодным взглядом смотрел на молчаливого Чжао Миня. Расстанься они тогда мирно, сохрани Чжао Минь хоть каплю прежних чувств к нему, он, пожалуй, и проникся бы к этому человеку капелькой жалости.

Но они не расстались мирно.

Микроавтобус продолжал свой путь по шоссе.

В салоне стояла зловещая тишина. Цзян И нацепил наушники и беззастенчиво болтал по телефону с Феликсом.

Феликс лениво протянул:

— Чего тебе? — в трубке непрерывно стучали клавиши, и он добавил: — Я тут дипломную доделываю, малыш.

— Только сейчас? — с недовольством произнес Цзян И. — Да пока ты доктора получишь, сколько времени пройдет.

Тон Феликса взлетел вверх:

— Черновик уже утвердили. — Не умея держать секреты при себе, он выпалил: — Я уже договорился с папой и мамой, после защиты поеду в Чунцин.

Цзян И на мгновение опешил и недоверчиво переспросил:

— Ты едешь в Чунцин?

— Ага.

Какое-то время Цзян И не мог переварить эту новость: всего несколько месяцев назад он из-за планов Феликса на трудоустройство после выпуска устроил с ним несколько ссор. Если тот собирался в Чунцин, их отношения больше нельзя было затягивать.

Он и впрямь еще не был готов полностью окунуться в семейную жизнь. Сама мысль о доме вызывала у Цзян И смутное замешательство, а выстраивание долгих прочных отношений с человеком было для него важнейшей задачей в этой жизни.

— Давай мы это еще обсудим, — спокойным голосом произнес Цзян И.

— Если я приеду в Чунцин, — продолжил он, — скинь мне номер рейса, я тебя встречу.

— Хорошо. — Феликс, очевидно, не уловил странностей в тоне Цзян И.

Сбросив вызов, Цзян И внезапно обратился к помощнику:

— Подыщи мне дом, чтобы жить вдвоем.

Услышав это, помощник поинтересовался:

— Неужели хозяйка возвращается на родину?

Цзян И спокойно угукнул и, не глядя на Чжао Миня, листая что-то в телефоне, велел:

— Найди что-нибудь с двором, он любит выращивать фруктовые деревья, желательно возле озера.

Погруженный в раздумья, Цзян И продолжал:

— Бассейн побольше, ремонт в итальянском стиле, и побыстрее.

Судя по таким темпам, Феликс, пожалуй, вернется уже в следующем месяце.

— Спальня не должна быть огромной, люстру без хрусталя, кровать поменьше.

Цзян И страдал нехваткой чувства безопасности и всегда зависел от того, кто находился рядом.

Чжао Минь прекрасно это понимал.

— Шеф, — помощник, похоже, что-то вспомнил и продолжил: — Хозяйка говорила, что на свадебном банкете обязательно должен быть зеленый газон и вид на озеро... В Чунцине под такие требования подходит всего один отель.

— Не хотите ли спросить у генерального директора Чжао? — помощник намекал на то, что требованиям Феликса отвечал как раз отель, входивший в структуру дочерних предприятий Фэнхэ.

Цзян И и сам не знал, делал ли Феликс это намеренно.

Подбирая слова, он повернулся к Чжао Миню:

— Называй свою цену.

Бух!

Вода из стакана Чжао Миня плеснула на пол. Он обернулся с донельзя бледным лицом, а во взгляде его читались обида и отчаяние.

Цзян И замер.

Разве он перегнул палку? Да нет вроде.

В конце концов, с их расставания прошло пять лет. После того как эти отношения закончились, ни у кого из них не было дела до чужой личной жизни и создания семей. Не столкнулись они случайно по работе, Чжао Минь, возможно, даже и не узнал бы о его женитьбе.

Да он и не собирался звать Чжао Миня на свадьбу.

Секретарь в панике вскочил на ноги и, полусогнувшись в салоне автомобиля, принялся вытирать влагу салфетками:

— Генеральный директор Чжао, присядьте-ка правее.

Цзян И пришел в себя, бесстрастно сдвинулся вправо и бросил холодным тоном:

— Руки бутылку с водой удержать не могут.

Движения секретаря замерли, и на Цзян И он посмотрел со сложным выражением в глазах.

— Салфетки, — тихо напомнил Чжао Минь, и секретарь продолжил уборку.

Какое-то время в машине снова царила тишина.

Наконец безмолвный Чжао Минь заговорил, робко вопрошая:

— Если бы ты узнал, что я с кем-то встречаюсь или женился, тебе было бы больно?

В свое время Цзян И вовсе не исключал мысли о том, что Чжао Минь может завести роман или жениться — правда, думал об этом лишь из стремления к самоистязанию, воображая, что Чжао Минь давно уже обрел семью и живет в счастливом браке.

Случись это наяву, он, наверное, уже онемел бы от бесчувственности. В конце концов, именно руководствуясь подобными мыслями, он тогда капля за каплей и гасил последнюю крошечную надежду.

— Нет, — последовал короткий и сухой ответ.

Суставы на пальцах Чжао Миня побелели от напряжения.

— Желаю счастья.

Тон был настолько ровным, что в нем не слышалось ни единой ряби.

Цзян И отвернулся вбок, густые длинные ресницы опустились, скрывая бушующие в душе чувства.

Те три года запутанных отношений оказались лишь долгим сном.

Брат Минь вот-вот столкнется с братцем Ф.

Девушка И-и — это просто юношеская незрелость, когда толком не понимаешь, что такое симпатия и любовь; очень скоро он поймет, что на самом деле любит парней.

Глава 8. Р — Рождество

Школьные праздники всегда наделялись каким-то особенным смыслом.

Приближался Сочельник — один из тех редких моментов, когда праздник служил поводом для признания в чувствах.

Цзян И заставил Чжао Миня установить во дворе елку, оставив рядом свободное место — он хотел лепить снеговика. Всё было готово, оставалось только дожидаться сегодняшнего снега.

В обязанности Чжао Миня это не входило от слова совсем, но стоило тому лишь вскользь упомянуть об этом, как Чжао Минь взял и исполнил задуманное.

Сочельник.

Они с Тан Жуйжуй тоже уже прилично не виделись. Не успел он даже достать рождественский подарок, как Тан Жуйжуй сама заговорила первой: она уезжает на подготовительные курсы в Австралию.

Цзян И отреагировал спокойно и даже с заботливой предусмотрительностью посоветовал ей быть осторожнее: мол, там полно змей, смотри не попадись под укус.

А еще кенгуру — постарайся не огрести от них по полной.

Тан Жуйжуй недоверчиво уставилась на него, пытаясь отыскать в равнодушном выражении лица Цзян И хоть капельку сожаления о расставании. Она шагнула вперед, едва не врезавшись ему в грудь, и выпалила:

— Разве ты не поедешь со мной?

Цзян И искренне остолбенел. С какой стати ему ехать в Австралию? В его жизненных планах такого пункта никогда не было.

Похоже, он и саму Тан Жуйжуй никогда по-настоящему в свои планы не вписывал.

В конце концов этот так и не начавшийся роман завершился на мокрых глазах Тан Жуйжуй, бросившей ему в спину лишь короткое мерзавец и удалившейся без оглядки.

Подобранные им с таким тщанием духи пролились на землю: эта мадемуазель Блуж ушла давным-давно, оставив после себя лишь приторный шлейф.

На душе у Цзян И все же скребли кошки, примешивая к этому какое-то необъяснимое раздражение. Растерявшись, он решил, следуя заветам телевизионных драм, напиться. Разве не так поступают при несчастной любви? Напиться до беспамяти, а потом рыдать в плечо другу.

В баре какой-то певец надрывался, исполняя чувственную песню на кантонском диалекте.

Скучая от безделья, Цзян И умудрился почувствовать в лимонном коктейле персиковый привкус. Как назло, рядом сидел точно такой же несчастный брошенка, который на полном серьезе рыдал на плече у товарища. Наблюдая за этим зрелищем добрую половину вечера, Цзян И пришел к самому глубокому выводу: этот лимонный коктейль — просто отвратительная гадость.

Лимон... Похоже, нашелся один любитель лимонов. Чжао Минь вечно покупал лимонное мыло Safeguard.

Стоило погрузиться в мысли, как в нем вдобавок зародилось глухое недовольство: с чего это Чжао Минь не идет забрать его отсюда?

<http://bllate.org/book/25813/3085176>